

Византия и Россия: духовное и историческое наследие

Виктория Павленко

В наши дни мы вновь, как и сто, и двести лет назад, становимся свидетелями ожесточенной дискуссии (все более напоминающей бой без правил) о происхождении российской цивилизации, которая в условиях тектонических подвижек в глобальной архитектуре приобретает значение фундаментального проектного выбора. И главное здесь – не оторваться от исторических корней и не утратить первородство (идентичность), а с ним и перспективу.

Ясно ведь, что подлинным предметом полемики является выбор вектора дальнейшего развития, цена которого – выживание страны и народа. Основания для него ищут в истории.

Прошлое и настоящее

Безусловно, русская православнo-славянская цивилизация, как называл ее автор теории «борьбы цивилизаций» С.Хантингтон, в процессе формирования испытала на себе влияние многих культур.

Так, например, Древняя Русь образовалась с призывом в страну варяжских князей,

и их власть (впрочем, как показывает В.О.Ключевский, отнюдь не абсолютная) способствовала распространению на славянских землях норманнской культуры.

С XIII по XV в. Русь, наоборот, находилась в составе Золотой Орды, что повлекло за собой распространение монгольского типа организации государственной власти (это доказывает Н.М.Карамзин).

ПАВЛЕНКО Виктория Владимировна – студентка 1-го курса МГИМО(У) МИД России.
E-mail: pavlenko1993@gmail.com

Ключевые слова: Византия, Россия, православие, симфония властей, Второй Рим, Третий Рим, русская традиция.

В XVII и XVIII вв. Россия вновь подверглась активному воздействию идей с Запада. Следствием этого явилось укоренение западных элементов в светской культуре и установление европейского государственного уклада (концепция Петра I «Россия как европейская империя»).

Сложным явлением в XX в. стал и русский коммунизм: как убедительно показал Н.А.Бердяев¹, помимо западного влияния, в нем соединился весь комплекс исторического наследия.

Словом, на протяжении своей истории Россия часто двигалась галсами, не меняя при этом генерального вектора своего развития, который раскрыли выдающиеся мыслители традиционалистского направления – Ф.И.Тютчев, М.П.Погодин и особенно К.Н.Леонтьев, убедительно доказавшие византийский генезис российского цивилизационного кода. Главный их аргумент: именно от Византии – Второго Рима – перешло к нам православие, составившее фун-

дамент нашей культуры и менталитета. Византийское влияние красной нитью проходит через всю нашу историю.

И именно поэтому столь жестким нападкам подвергается сегодня Русская православная церковь: Западу и его адептам в России очень нужно под предлогом «общности христианских корней» «привязать» или «пристегнуть» нашу страну к Европе. Это просто-таки «идея фикс», например, Бжезинского, не устающего повторять ее еще с начала 90-х годов.

Для этого пускаются во все тяжкие. Религиозно-духовный выбор в пользу православия, осуществленный Александром Невским и определивший содержание цивилизационной идеи, либо вообще отвергается (А.И.Ракитов), либо признается ошибочным (В.В.Познер, например, считает православное христианство главной «бедой России»).

Крещение Руси и его последствия

*Наши предки издавна стремились в Византию,
то вступая с ней в мирные сношения,
то предпринимая на нее опустошительные набеги.
Но вот сама Византия одерживает над ними величайшую победу,
дав им христианскую религию².*

Ф.И.Успенский

В 988 г. причисленный впоследствии к лику святых князь Владимир Святославич, принявший в Константинополе православие, крестил Русь по византийскому обряду.

Какие предпосылки были у этого исторического события?

Л.Н.Гумилев отмечает, что история Древней Руси была отмечена борьбой язычества и христианства.

Первыми «прохристиански» настроенными князьями были еще Аскольд и Дир.

После же крещения княгини Ольги по восточному, а не по западному обряду в Киеве образовалась довольно влиятельная «православная партия», к которой принадлежали Ярополк Святославич, воевода Претич и многие другие влиятельные предста-

вители русской элиты. Именно этот факт сыграл большую роль при выборе веры князем Владимиром. Известно, что он отослал латинян (посланцев папы римского) со словами «идите, откуда пришли, ибо отцы наши не приняли этого». Смириться с этим Ватикан не может и сегодня, настаивая на том, что этот выбор был осуществлен по сиюминутным, тактическим соображениям*.

Между тем Гумилев отмечает, что греческое христианство легло у нас на благодатную почву. Славяне до крещения вовсе не были беснующимися кровожадными людоедами, напротив, им, по их природе, не чуждо было учение Христа о любви и милости. Дело в том, что язычество, принесенное норманнами, отличалось от исконно славянского язычества, которое было менее воинственным. «Как всякие уважающие себя боги, славянские тоже требовали почитания, но не человеческих жертв. Со всем другим был культ Перуна, бога войны и громовержца, с приходом которого земля обгадилась кровью жертв»³.

Кроме того, Византия всегда была заинтересована в том, чтобы установить со славянами прочные дружеские отношения, так как они были в числе варваров, тревоживших границы империи постоянными набега-

ми. Однако русские для византийцев (особенно в последние десятилетия существования империи) значили куда больше, чем просто один из народов «Византийского содружества»**.

Известный историк Г.В.Скотникова называет еще одну (и, пожалуй, самую важную) причину крещения Руси именно по византийскому образцу – это впечатление, оставшееся у славян от греческого богослужения.

«Повесть временных лет» так передает слова послов, наблюдавших его: «Не знаем, на небе мы были или на земле, ибо нет на земле такого вида и такой красоты...», «там Бог с человеками пребывает».

«Не проповедь, не доктрина, не катехизация решают дело»⁴, а дух веры; очарование ее может быть понято лишь душой познающего. Несомненно, что присутствуя на византийском богослужении, послы князя Владимира испытали то, что не было испытано ими на других богослужениях.

Иногда все силы верующих уходило на поддержание пышности форм, красоты «облачения» веры. В византийском же православии за очарованием богослужения пряталась духовная полнота и чистота. Именно эту полноту и чистоту почувствовали русские в византийском обряде, не увидев этого в латинстве.

* Имеется в виду миссия римского епископа Адальберта, пришедшего на Русь в середине X в. с целью крещения Ольги и киевлян. Адальберт был изгнан из Киева, потому что в те времена римская церковь обладала плохой репутацией: на папский престол восходили грешные папы. Так, Иоанн XII, ставший папой в шестнадцатилетнем возрасте, устраивал в Ватикане всевозможные бесчинства, был игроком и пьяницей, давал пиры и пил за здоровье сатаны.

** «Византийское содружество» – наименование, используемое историками для совокупности стран и народов (оформившееся к XII в.), которые приняли христианство от Византии.

Дело в том, что в византийской (а позже и в русской) традиции содержание, безусловно, стояло выше формы. И это проявилось у нас не только в вопросах веры, но даже в особенностях быта: простое жилище, простая пища, простая одежда. Это не есть признак бедности, это признак доминирования содержания над формой: все силы наши духовные уходят в содержание.

«Даровав святую веру нашим предкам, Византия сообщила им вместе с этим и массу других культурных приобретений: письменность, священный язык, богослужение, государственное устройство»², – пишет Ф.И.Успенский.

За изменением духовного содержания новой Руси неизменно следовало и физическое, внешнее ее изменение. С.Ф.Платонов отмечает, что повсюду стали строиться монастыри и храмы, ставшие сосредоточием культурной жизни славянского общества. При монастырях организовывались школы; греческие священнослужители, прибывавшие служить в монастыри, привозили с собой церковные книги на славянском языке, что также способствовало распространению образования и христианского просвещения на Руси.

После крещения на Руси появилось настоящее духовное искусство: византийские мастера познакомили русских с иконописью. Примитивное ваение идолов сменилось проектированием и строительством величественных православных храмов, которые украшались изысканными мозаиками и фресками. Примечательно, что национальное искусство, появившееся тогда на Руси, в науке называется русско-византийским.

«Так как Русь приняла веру из Византии, то все новое, что пришло вместе с верой, имело византийский характер и служило проводником византийского влияния на Русь»⁵, – пишет С.Ф.Платонов.

Таким образом, когда мы будем говорить о церкви и о том, как она изменила облик русского общества, то будем подразумевать Византию, ведь именно греческие порядки проникали на Русь через церковь.

Огромно было влияние православия на быт и нравственность славян. В рамках родового сознания о судьбе изгоев никто не заботился; теперь же они находили приют в церквях и становились полноценными членами общества. Церковь пыталась стереть границы между родами, духовно объединить их. Проповедь византийского духовенства действительно повлияла на мировосприятие славян, среди них появилось много благочестивых христиан.

Влияние церкви охватывало и политическую сторону жизни древнерусского общества. Так, именно она стала связующим звеном между князем и его подданными. Владимира Святославича монахи учили тому, что ему власть дана Богом и что он творит на земле Божью волю, а потому ответствен перед Богом за народ; его подданных церковь призывала любить князя и повиноваться ему. (Это к тиражируемому сегодня в православной среде определенными силами надуманного тезиса об индивидуализации веры, т.е. о спасении только собственной души.)

При содействии и посредничестве церкви оформился союз власти (князя) и народа: варяжские князья до Владимира еще не чувствовали себя частью Руси, даже сторонились народа.

Как пишет один из крупнейших религиозных философов конца XX в., С.С.Аверинцев, «русская культура через контакт с Византией преодолела локальную ограниченность и приобрела универсальное измерение... Она стала культурой в полном значении этого слова»⁶.

Именно при содействии Византии сознание русского народа наполнилось духовным содержанием, получило национальную идею, без которой ни один народ не может долго существовать в историческом развитии.

Влияние Византии на характер русского государства

Я хочу сказать, что царизм наш, столь для нас плодотворный и спасительный, окреп под влиянием православия, под влиянием византийских идей, византийской культуры⁷.

К.Н.Леонтьев

Унаследованы Россией от Византии и наше сильное государственное начало, и связанные с ним особенности национального мента-

литета. Наиболее сильно византийское влияние выразилось в следующих явлениях российской политической жизни.

Симфония светской и духовной властей

Вопрос о характере взаимоотношений между государством и церковью в Византии чрезвычайно важен для понимания сущности и характера влияния Византии на Русь. Ведь наша страна унаследовала от Второго Рима и идею сильной государственной власти, и идею истинного православного царства, оплота православия на земле.

Можно условно поделить исследователей, занимавшихся вопросом о соотношении царской и патриаршей власти в Византии, на два направления.

Первые говорят о том, что никакой симфонии не существовало, цер-

ковная власть беспрекословно подчинялась ничем не ограниченной светской власти, а император брал на себя полномочия главы церкви.

Вторые утверждают, что в отношениях церкви и государства все было далеко не столь однозначно, и симфония (пусть и на протяжении всей истории Византии) все же существовала, а власть патриарха в определенных областях была независима от власти императора.

В число тех, кто придерживается первого взгляда, входит В.С.Соловьев, известный крайне негативной оценкой Византии и ее влияния на Русь. Он говорит о том, что визан-

тийская «языческая самодовлеющая государственность»⁹ подчиняла себе все явления общественной жизни в стране, подавляла она и церковь. Таким образом, сама вера оказалась в ведении императора, что обусловило отход Византии от истинного христианства.

«Причиной их (византийских императоров) гибели следует признать ложный характер самой их веры, то есть их ложное отношение к христианству: истинную идею они понимали и применяли неверно...»⁹.

По Соловьеву, византийские императоры исказили сам смысл восточного христианства, заставив его служить нуждам империи, тогда как это империя должна была служить христианству, являя собой пример общества, живущего «согласно Христовым законам», т.е. идеалами всеобщей свободы, братства, всечеловеческого счастья.

К числу сторонников первого направления также относится и Ю.А.Сорокин. В частности, он пишет, что симфония действительно существовала, но лишь в теории.

«Император обладал всей полнотой не только светской, но и религиозной, а также церковной власти. ...Император мыслился как глава православных вообще»¹⁰.

Симфония, впервые описанная императором Юстинианом I, провозглашалась во многих византийских документах, в частности в знаменитой «Эпанагоге» (законодательном документе конца IX в.). Однако реально она не существовала, пишет Сорокин, так как император стоял во главе и законодательной, и исполнительной, и (не формально, но фактически) судебной власти. Такое положение императора исходило из

того, что он считался помазанником Божиим, Его наместником на земле, царем всех православных и вообще – единственным истинным правителем христиан мира.

Представителем второго направления в рассматриваемом вопросе можно считать Г.Я.Острогорского. Он утверждает, что жесткое подчинение церкви государству в Византии было лишь на начальном этапе существования Византии (и, соответственно, отражено в документах той эпохи, положения которых историки обычно применяют ко всей византийской истории). Обусловлено оно было тем, что Византия была наследницей Рима, причем Рима языческого, где религией был культ гения божественного императора. В Византии подобное же положение вещей сохранялось примерно до VII в. Однако оно было неприемлемо для православного государства, где не император, только Бог является высшим судьей. На это указывали в своих трудах такие крупнейшие священники и богословы, как Иоанн Златоуст, Максим Исповедник. Они призывали императора обратиться к внешним проблемам и вопросам обустройства государства, а дела веры оставить патриарху.

Г.Я.Острогорский также отмечал, что император никак не мог быть главой церкви хотя бы потому, что не имел сана: в списке церковно-служебных чинов, состоящем из 45 ступеней, он имел чин 44-й ступени.

Острогорский, как и Сорокин, упоминает об «Эпанагоге», однако отводит ей большую роль в формировании отношений государства и церкви. Он говорит, что она явилась логическим следствием борьбы пра-

вославленной партии за право церкви считаться свободной от государства, логическим концом долгого пути от языческого наследия Рима к истинному православному царству, к которому, по мнению Острогорского, Византия пришла в X в., при императоре Иоанне I Цимисхий*.

Как же в таком случае рассматривается проблема взаимоотношений государства и церкви на Руси?

Ученые, придерживающиеся тех же взглядов, что Соловьев и Сорокин, говорят о том, что византийская система нашла отражение и на Руси.

Соловьев пишет о том, что «царствование Ивана Грозного было ярким и своеобразным повторением того противоречия, которое погубило Византию, – противоречия между словесным исповеданием истины и ее отрицанием на деле»⁹.

Сорокин отмечает следующую черту русского самодержавия: «Светский владыка – высший блюститель чистоты православия, может и должен вмешиваться в дела Церкви. Это прямое заимствование из Византии»¹⁰.

Представители второго подхода также говорят о наследовании Русью византийской модели, однако уже не абсолютной светской власти, а симфонии.

«Византийская доктрина о симфонии царства и церкви, рассматриваемые в качестве единственно мыслимой и законной организации христианского общества, продолжает свое существование в возмужавшей Московской Руси»¹².

Действительно, Московская Русь возвышалась стараниями и князей,

и церкви, что ставило светскую и духовную власть в равное положение.

Но поскольку критерием истины является практика, отметим, что результаты многочисленных (и весьма успешных) реформ Ивана Грозного (включая проведение Стоглавого собора, который навел порядок в богослужении), поднявших страну на новый уровень развития, находятся в явном противоречии с первой линией, но отвечают второй. Именно это и можно считать главным выводом рассмотренной дискуссии.

В связи с этим особо интересным представляется мнение К.Н.Леонтьева. Ничего не говоря о симфонии он сосредоточивает все свое внимание на характере царской власти на Руси, которая передалась нам через византийское православие и насыщена византийскими чертами.

Во-первых, он иначе, чем Соловьев, понимает жизнь «согласно Христовым законам», осуждает внесение в христианство «розового оттенка», приравнивание Христовой веры к идее всечеловеческого блага и всеобщей гармонии.

«Христос, повторяю, ставил милосердие или доброту личным идеалом; он не обещал нигде торжества поголовного братства на земном шаре... для такого братства необходимы прежде всего уступки со всех сторон. А есть вещи, которые уступать нельзя»⁷ (имеющие уши среди современных поборников ложно понимаемой толерантности, да услышат!).

Во-вторых, Леонтьев доказывает, что родовое чувство, т.е. некое скреп-

* «Когда Иоанн Цимисхий, будучи провозглашен императором, направился для венчания в св. Софию, патриарх Полиевкт просто-напросто не пустил императора в храм, считая способ, каким Цимисхий достиг престола, преступным. Император должен был подчиниться, пойти на все требования патриарха, согласиться на отбывание возложенного на него покаяния»¹¹.

ляющее народ начало, «выразилось у нас в семье слабее, чем у многих других. В аристократическом начале то же самое: всю силу нашего родового чувства история перенесла на государственную власть, на монархию, царизм»⁷. Поэтому сильная монархия является у нас основой, на которой стоит русское общество. (Глупостью или предательством является непонимание этой очевидной истины современными поборниками «демократической» властной децентрализации – вопрос уже вторичный.)

Замечание Леонтьева является как бы последним пазлом в истинной картине явления под названием «симфония властей».

Отношения государя с подданными

Царское, государственное начало было в Византии так же сильно, как и на Руси. Однако вряд ли государственная власть, пусть даже благословенная Богом, может иметь сильные позиции без поддержки подданных. Поэтому интересно сравнить, на каких принципах строились отношения византийского василевса с элитой и народом, с тем, как это происходило в России.

А.А.Чекалова и М.А.Поляковская указывают, что в Византии, подобно Риму, был свой сенат, однако, чтобы стать его членом, нужно было определенное время находиться на государственной службе или же служить при государевом дворе. На государственную службу шли все: от профессиональных чиновников до представителей свободных профессий. Таким образом, интеллектуальная элита была встроена в государственную систему, не становясь при этом

Симфония не подразумевает политического равенства церкви и государства. Царское начало, разумеется, гораздо сильнее церковного, ибо император, глава светской власти, отвечает за целостность государства, что является первостепенным вопросом для империи.

Но понятие «симфония» затрагивает не государственную, а духовную сферу. Оно обращено к подданному империи: государь отвечает за тело, а патриарх – за душу. Светская и церковная власть не равны в государственном измерении. Но они обязательно равны, одинаково важны для каждого подданного и для духовной жизни страны в целом.

ее работ, но оставаясь справедливым критиком.

Господствовала идея, что каждый подданный империи должен что-то ей воздавать: те, кто занимается торговлей и ремеслами, должны платить монетой, те же, чьи богатства носят духовный характер, – мыслями и поучениями.

В приведенной статье высказывается еще одно важное замечание касательно принципов общественных отношений в Византии: «Положение в обществе определяла не земля, а должность»¹³, в отличие от большинства стран Западной Европы, где положение на общественной лестнице напрямую зависело от размера феода (частного земельного владения).

Интересно, что подобную же мысль встречаем у К.Н.Леонтьева.

Он пишет уже о России: «У нас родовой наследственный царизм был так крепок, что и аристократическое начало у нас приняло под

его влиянием ... более государственный, чем лично феодальный характер. ...Гордились бояре службой царской своих отцов и дедов, а не древностью самого рода, не своей личностью, не городом, наконец, или замком...»⁷.

Все проистекало из того, что земля как в Византии, так и в России считалась землей Божьей: ею можно было пользоваться, но нельзя владеть.

Из сильного царского начала, которое перешло к России от Византии, выросли и особенности взаимоотношений государей с элитой, которые у наших стран имеют много общего.

Сходство видим мы и во взаимоотношениях царя с народом.

Так, в VIII в. в Византии был принят Крестьянский закон, в котором не было сказано о помещицкой усадьбе с подневольными крестьянами, а устанавливалось свободное крестьянское землевладение на базе общины. Позднее, в XV в., когда в Западной Европе община подвергалась давлению со стороны крупных феодалов, а монарх общину не защищал, в Византии были приняты законы, регулирующие отношения между помещиком и общиной.

Вот некоторые из их положений:

– Неотчуждаемость земельного имущества у общины. В случае смерти или разорения крестьянина от его участка должны были прежде отказаться пять категорий лиц, связанных с этой общиной, и только тогда он мог быть куплен со стороны.

– Если крестьянин доказывал свое право на владение землей, у помещика отбиралась эта земля, сколько бы он ею ни владел.

– Если помещик все же вступал во владение землями общины, на него возлагалась вся полнота ответственности за социальное состояние общины (в том числе за ее бедность).

Анализируя данные законы, Ф.И.Успенский приходит к выводу,

что в Византии с тех самых пор опорой царя и базой для дальнейшего развития государства стала крестьянская община, свободное мелкое землевладение. Интересы же служилого и поместного сословий были подчинены интересам самодержавия. Естественно, это не могло не способствовать формированию у земледельцев Византии мировоззрения, которое потом так четко видим в русской ментальной традиции: царь хороший, бояре (баре) плохие.

У Н.А.Бердяева также находим важные сведения о менталитете русского крестьянства, и выясняется, что абсолютно то же самое можно сказать и о византийском.

«Русским крестьянам всегда были чужды понятия римского права о собственности. ...Присвоение земли помещиками-дворянами крестьяне всегда считали такой же неправдой, как и крепостное право. Общинное, коллективное владение землей было более свойственно русскому народу, особенно великороссам, благодаря существованию общины. Крестьяне мечтали о "черном переделе", то есть о переделе земли между крестьянами. Раньше верили даже, что это сделает царь»¹.

Неудавшаяся аграрная реформа Столыпина показала, как естественно было для России общинное землевладение, что имеет корни в нашем византийском прошлом. Если бы прежде, чем разрушить общину, Столыпин обратился к византийскому опыту, то увидел бы, что именно она была опорой самодержавия.

Но русским либералам, к которым принадлежал Столыпин, всегда был свойственен зуд некритического «европейничанья», которое автор этого яркого термина, Н.Я.Данилевский, справедливо называл «болезнью русской жизни».

Поэтому община была разрушена, а через 10 лет не стало и самодержа-

вия, а с ним – и традиционной русской государственности.

Особенности национального состава

«...Восточная империя разрешает проблему, которой не удалось разрешить Западной, – она ужилась с новыми варварскими элементами, вступив с ними в такой род соединения, который не удался на Западе», – пишет Ф.И.Успенский².

Занимая пограничное положение между Западом и Востоком, Византия подвергалась давлению с двух сторон. С Запада, особенно в эпоху Великого переселения народов, наседали варвары, а затем папский Рим (вспомним четвертый крестовый поход, когда крестоносцами был разорен и сожжен Константинополь). С Востока угроза исходила от арабов, турок, степных кочевников. Тот факт, что тысячу лет Восточная империя не поддалась влиянию ни той, ни другой стороны, наводит на мысль, нечто в ее государственном устройстве помогало ей уживаться с теми, кто тревожил ее границы.

Это была знаменитая «наука об управлении варварами» – совокупность средств по обращению окружающих народов, уступавших в развитии, из угрозы в фактор безопасности собственных границ.

Эта составляющая византийской политики подробно описывается в труде «История дипломатии». Окружающим народам могли платить за оборону границ империи, иным из них жаловали пышные титулы и знаки отличия; предоставляли также землю на границах империи, а их князей женили на представительницах знатных византийских фамилий и т.д.

Некоторые из этих приемов использовались и русскими императорами при присоединении ими новых земель.

Например, в 1801 г. Грузия была присоединена к России, в том числе на условии, что грузинское дворянство получало права российского дворянства.

«Наконец, Восточная империя по своему этнографическому составу и по своим учреждениям представляет в себе протест против того утверждения, что тип, по которому сложилась западноевропейская история, есть универсальный тип»².

Действительно, Византия своим существованием и удачной национальной политикой опровергла утверждение, что единственным жизнеспособным государственным образованием является государство-нация. Так же как этот принцип опровергался и Россией на протяжении всей ее истории.

Успенский выделяет еще одно важное следствие положения страны на пересечении, цивилизаций: это обогащение культурной и духовной жизни народа.

Он пишет: «Византийская империя не только нашла способ воспринять в себя новые этнографические элементы, ...но еще представила опыт согласования романизма и эллинизма с началами, воспринятыми от новых народов».

Игумен Иоанн Экономцев* отмечает, что как и византизм, сформирова-

* Игумен Иоанн Экономцев в 1990–2009 гг. возглавлял в Московском Патриархате отдел по религиозному образованию и катехизации.

рованный под влиянием и греческих идей, и латинского Запада, и Ближнего Востока, и Египта, русская национальная идея подверглась «пере-

крестному влиянию различных цивилизаций, оказавшемуся плодотворным для духовной жизни и культуры русского народа»¹⁴.

Влияние Византии на характер внешней политики России

Враждебность Запада русские навлекли на себя потому, что были упрямыми приверженцами чуждой ему цивилизации»¹⁵.

А. Дж. Тойнби

Евразия – ключевой континент планеты; Россия – ключевая страна Евразии. До нее подобное положение – «на пересечении миров» –

занимала Византия, а потому многие из принципов взаимоотношений Византии с окружающим миром перешли от нее к России.

Россия и Запад

Принадлежность страны к той или иной цивилизации определяется множеством факторов, и в первую очередь религиозным. Россия потому не входит в Запад (что, как видим, подтверждает и Тойнби), что в X в. она выбрала византизм, а не латинство. Именно тогда будто стена встала между Россией и Западом, которая вот уже второе тысячелетие препятствует включению России в западную цивилизацию, на чем неизменно настаивала компрадорская часть нашей элиты (впрочем, считающая себя «продвинутой»).

В чем же была причина той враждебности Запада к Византии, которая перекинулась и на Россию?

Восточная империя была наследницей Римской империи, титул императора после ее крушения сохранился на Востоке.

По словам Ф.И.Успенского, «то обстоятельство, что императорское достоинство сохранилось в Византии, наполняло умы полити-

ческих деятелей Западной Европы озлоблением»².

Успенский пишет, что Запад пытался «похитить» у Византии идею всемирной монархии – империи – и идею церковного первородства. Первая задача была осуществлена, когда западные правители купили согласие византийских на присвоение ими этого титула; решение второй задачи вылилось во взаимную вражду пап и константинопольских патриархов, которая закончилась великой схизмой 1054 г.

Немало позаимствовав у Византии, европейцы не стали относиться к ней дружественнее. Напротив, они испытывали к грекам презрение (надо отметить, что греки отвечали тем же).

Причину такой органической взаимной неприязни раскрывает А. Дж. Тойнби: «Мы (европейцы) искренне верим, что мы – избранные наследники Израиля, Греции и Рима, наследники Божьего Промысла, за которыми –

будущее... (Византийцы же верят), наследники Провидения – не франки, а византийцы – так гласит византийский вариант мифа»¹⁵.

Выходит, вся вражда византийской и западной цивилизаций в своей основе имеет вопрос духовного первородства.

Тот же характер, по сути, носит и многовековое противостояние Запада и России. Утвердившись наследницей Византии, Россия тут же стала объектом западного давления, духовной экспансии, а затем и прямой военной агрессии.

Надо отметить, что спор о духовном первородстве есть неразрешимый спор.

Во-первых, испокон веков страшнейшие войны велись за веру, но даже проигравшие от веры не отрекались. Это значит, что в данном вопросе прийти к консенсусу невозможно.

Во-вторых, каждая вера предполагает собственную идеальную кар-

тину мира (т.е. собственный проект мироустройства).

Борьба между верами – это еще и борьба за устройство мира по своей модели, модели, которую предполагает твоя вера.

«Русские переняли и традиционную византийскую позицию по отношению к Западу, и это возымело глубокое влияние на собственно русское отношение к Западу – не только до революции 1917 года, но и после нее»¹⁵, – писал Тойнби. Он также проводил множество параллелей между отношениями Византии и Запада и России и Запада.

Подобно тому как народы Юго-Восточной Европы оказались между латинской и византийской верами и переманивались враждующими сторонами, в XX в. Европа (и не только она) поделилась между капиталистической и коммунистической «верами» – США и СССР.

Восточный вопрос

Ф.И.Успенский свидетельствует, что во время завоевания Византии турками появлялось немало пророчеств о чудесном спасении православного царства.

Самыми известными были пророчества Мефодия и Льва Мудрого.

Первый говорит о том, что Константинополь будет спасен неким добрым царем, который придет из «влажной страны».

Второй говорит, что недолго Царьграду быть под властью турок, ибо скоро он будет освобожден от них неким народом, который победит турок и изгонит их. Дается название этого народа, и примечательно, что на русский язык оно переводилось как «русский народ».

Это, в первую очередь, послужило толчком к появлению такой политической идеи, как Восточный вопрос.

Существует множество определений этому понятию. В целом можно сказать, что под Восточным вопросом подразумевается политика России в отношении проливов (здесь же – попытки овладеть самим Константинополем) и христианских народов Балкан, оказавшихся под турецким владычеством.

Следует отметить, что, как говорил Ф.И.Успенский, «ближневосточная политика России носила сентиментальный характер»². Первостепенное значение в ней имели не собственно российские интересы, но некая историческая миссия, возложенная на Рос-

сию Византией. Во второй половине XIX в. в условиях торжества бисмарковской *Realpolitik*, когда лишь четкое следование собственным интересам позволяло европейским странам одерживать дипломатические победы, в российском Отчете МИД за 1867 г. значилось, что одной из первых задач является «добиваться укрепления влияния России, чтобы исполнить ее историческую миссию на Востоке».

Постоянные попытки России установить контроль над проливами еще можно считать соблюдением ее национальных интересов: будь эти проливы закрыты для российских судов, прекратилась бы наша торговля в Средиземноморье. Однако идея отвоевания Второго Рима у турок, занятия территорий на берегах Босфора и Дарданелл не оставляла умы российских императоров и государственных деятелей, несмотря на то что она прямо не отвечала русским национальным интересам. Для русских она являлась актом подлинного вступления в византийское наследство.

Англия, которая всегда являлась инициатором демаршей западных

держав, приводивших к ослаблению России на Балканах и в Малой Азии, возможно, и имела национальные интересы в том же регионе – усиление торговли России в Средиземноморье было ей невыгодно. Кроме того, ее европейскую политику также можно рассматривать как способ приструнить Россию на азиатском направлении: как раз в то время Россия захватывает обширные территории в Средней Азии, продвигаясь к английской Индии.

Тем не менее доля иррационализма в английской политике в данном регионе все же присутствовала.

Ф.И.Успенский отмечает: «...по существу западноевропейская политика в этом вопросе состоит в принятии наилучших средств, чтобы предотвратить разрешение Восточного вопроса к выгоде России, иначе говоря, не допустить Россию до вступления в константинопольское наследство...»².

Византия, с которой, казалось бы, было покончено в XV в. (путем вовлечения ее в лоно Западной церкви и после – отказа в помощи против турок), возродилась в лице России, и это не давало Западу покоя.

Россия – наследница Византии

*Все христианские царства сошлись в твоём царстве,
После же этого мы ожидаем царства,
которому неть конца*¹⁶.

Филофей

Приняв христианство по византийскому образцу, Русь формально попала в зависимость Византии (земли крещенных ими варваров греки автоматически включали в состав своей империи). Однако мы едва ли найдем подтверждение тому, что

Византия обходилась с Русью как с вассалом. Их взаимоотношения носили характер отношения равных, особенно по мере возвышения Московского княжества.

На Руси же признавалось только верховенство константинопольского

патриарха. Русская церковь подчинялась византийской, практически все русские митрополиты, вплоть до падения империи, были греками. Однако, как отмечает игумен Иоанн Экономцев, византийское духовенство никогда не пользовалось своим привилегированным положением на Руси, чтобы вмешиваться в ее внутренние дела, византийские императоры никогда не требовали от русских князей повиновения им как сеньорам. (На Востоке, в отличие от «культурного» Запада, такая манера поведения считалась неприемлемой.)

После Флорентийской унии византийское духовенство, не желавшее подчиняться католической церкви, устремилось именно в Россию, везло туда византийские иконы и святыни, видимо, подспудно чувствуя в России преемницу идеи православного царства.

Игумен Иоанн Экономцев приводит еще одно свидетельство, которое, если оно истинно, имеет огромное значение для идеи наследования Россией Византии: «Когда над Константинополем нависла смертельная турецкая опасность, император и патриарх – пусть некоторым это кажется странным, – неделями занимались, как самой неотложной задачей, проблемой единства русской митрополии, словно сознавая, что именно эта проблема, связанная с будущим православного мира, а не спасение обреченной столицы, требует первоочередных забот»¹⁴.

Значит, сами византийцы совершенно четко знали, кто наследует им, т.е. возложили на Россию определенные духовные обязательства. Поэтому если мы эти обязательства нарушаем, то мы виноваты не только перед собой, но и перед нашими предками – византийцами, выступая

как «безродные Иваны», не помнящих и не почитающих свою историю.

Брак Ивана III с Софьей Палеолог был первым шагом на пути вступления России в византийское наследство. Софья, племянница последнего византийского императора, 19 лет провела в католическом Риме и, собираясь в Москву, получила от папы соответствующие инструкции. Но она была достаточно умна, чтобы наказ римского первосвященника не выполнять, и, прибыв в Москву, не стала вмешиваться в политику Ивана III и подрывать авторитет православия на Руси.

В 1502 г., по смерти своего брата Андрея, Софья стала единственной законной наследницей Восточной империи. Кровная связь российского государя с византийскими императорами была обеспечена. В первой половине XVI в. создается «Сказание о князьях Владимирских», с помощью которого устанавливается связь русских князей с римскими императорами – через А. Пруса брата императора. В «Сказании» также рассказывается о передаче одного из символов светской власти – шапки Мономаха – из Византии в Россию. «Сказание о белом клобуке», появившееся немного ранее, повествует о переходе символа духовной власти – белого клобука – из Рима в Константинополь, а затем в Новгород.

Г. Бакалов свидетельствует, что уже в середине XV в. Московская Русь, свободное и сильное православное царство, объединяющаяся и победившая татар, воспринимается как наследница Византии не только русскими, но и Западом. Бакалов также пишет, что и православные народы, покоренные турками, виде-

ли в московских князьях правопреемников византийских императоров.

В доказательство он приводит послание хилендарских монахов Ивану IV год спустя после его коронации. В этом послании к русскому царю обращаются следующим образом: «Самодержавный великий царь Московский, единственный православный государь, белый царь восточных и северных земель, царь и государь всех православных христиан, солнце христианства» и пр.

Все вышеперечисленное венчает концепция монаха Филофея: «Москва – Третий Рим», которая явилась результатом почти столетней деятельности московских князей по обеспечению себе прав наследников византийских императоров. И эти права были обеспечены.

Иван IV венчался на царство в 1547 г. В 1589 г. Иов стал первым патриархом всея Руси.

«Церковная автокефалия провозглашается путем введения титула патриарха и запрос Москвы о том, что всерусский патриарх должен был получить звание третьего предстоятеля в православной пентархии»¹².

Таким образом, византийские институты власти находят отображение в государственном устройстве России, что является для нее завершающим шагом вступления в византийское наследство.

Были ли мы и после верны византийскому наследству, верны идее православного царства, идее Вселенской церкви, центр которой – в Москве?

Надо отметить, что византийский образ не раз пытались изгнать из русской души. Так, церковный раскол – тяжелейший кризис XVII в. – положил конец идее о симфонии властей.

Интересно, что до реформ Никона никакого искажения византийского обряда на Руси не было.

Л.Н.Гумилев, ссылаясь на исследование Е.Е.Голубинского – авторитетного историка Церкви, пишет, что в X в. в Византии действовали два устава: Иерусалимский и Студийский, которые различались в обрядовом отношении. На Руси после крещения был принят Студийский устав, и действовал он со времен Владимира Святого и до XVII в., когда был заменен Иерусалимским. Оба устава были легитимны, оба действовали в Византии, другое дело, что на Руси был более свойствен второй и исправлять его на первый не было необходимости. Скорее всего, Никон использовал это как повод к началу реформ, а не их причину.

Церковная власть в лице патриарха Никона дискредитировала себя, а царь Алексей Михайлович, прогнав Никона, симфонию все же не пожелал восстановить. Косвенным следствием церковного раскола стало упразднение Петром I патриаршего титула и учреждение им Священного синода. Во главе Церкви стал обер-прокурор.

Таким образом, Российскую империю «переконструировали» по западноевропейскому образцу. Тем не менее (и это важно) она не утратила самого института царства, священного для Византии. Однако, построив Россию в европейскую систему международных отношений, позаимствовав европейскую культуру и ценности, наша политическая элита во многом перестала быть носителем идеи о Третьем Риме, идеи о России как о православном царстве, несущем свет православия миру.

Н.А.Бердяев пишет: «Русский народ не осуществил своей мессианской идеи о Москве, как Третьем Риме. Религиозный раскол XVII века обнаружил, что московское царство не есть Третий Рим. Менее всего, конечно, петербургская империя была осуществлением идеи Третьяго Рима»¹.

Именно это и стало первопричиной неурядиц и бед, обрушившихся на страну в XX столетии.

Идея симфонии, как ни странно, возродилась (и в душах людей, и в государственной политике) после революции 1917 г. Был свернут царь, но вернулась национальная идея.

«Произошло изумительное в судьбе русского народа событие. Вместо Третьего Рима, в России удалось осуществить Третий Интернационал, и на Третий Интернационал перешли многие черты Третьего Рима. Третий Интернационал есть тоже священное царство, и оно тоже основано на ортодоксальной вере. ... Это есть трансформация русского мессианизма»¹.

Главное, что унаследовано Россией от Византии, – это мессианское самосознание. Это важнейшая черта национальной идеи России. Если считать, что за всю историю России появились три крупные национальные идеи: «Москва – Третий Рим», «Православие, Самодержавие, Народность», «Коммунизм – светлое будущее всего человечества», то мессианское сознание отразилось в каждой из них и явилось пониманием своей особенности, неповторимости, из чего неизменно проистекает принятие ответственности за судьбы других народов мира, которых мы просветили или могли бы просветить. В одни эпохи эта идея проявляется ярче, в другие – заслоняется чем-то иным, но она жила всегда, со времен начала возвышения Московского царства и до наших дней.

Заключение

*На крутых, головокружительных виражах
каждый раз неизбежно вставал перед нею (Русью)
вопрос об отношении
к духовному и культурному наследию Византии*¹⁴.

Игумен Иоанн Экономцев

Все сказанное наглядно иллюстрирует уникальную роль византизма в русской культуре, в особенностях развития русского государства, в формировании русского самосознания (даже ордынских ханов на Руси на византийский манер называли царями).

Говорят, что, находясь на перепутье, за верным решением нужно обращаться к прошлому. Для ответа на вопросы, стоящие перед современной Россией, более всего подходит

«синтетический», русско-византийский опыт.

«Изменяя, даже в тайных помыслах наших, этому византизму, мы погубим Россию... Увлекаясь то какой-то холодной и обманчивой тенью скучного, презренного всемирного блага, то одними племенными односторонними чувствами, мы можем преждевременно расстроить организм нашего Царства»⁷ (К.Н.Леонтьев).

«Византизм трактуется как наша универсальная идея, воссоздающая принцип единства, множества православных народов в противовес американизму, как духовным истокам

народов единого культурно-исторического типа, скрепленного православием; как стратегия и даже философия выживания»¹⁷ (Г.В.Скотникова).

Сегодня у нас нет ни византийской формы, ни мессианского сознания – византийского менталитета, ни истинного православия, и Россия, пожалуй, переживает едва ли не тяжелейший из моментов своей истории.

В эпоху Московского царства мы чтим православную традицию. В

эпоху Российской империи мы сохранили византийскую форму, но при западноевропейском, по сути, содержании.

В эпоху Советской империи мы вернули себе «византийский менталитет», потеряв форму и идею.

Не значит ли все это, что наша держава, наша Родина лишь тогда будет стоять неколебимо, когда соединит в себе все эти три главные составляющие византийского наследия?..

Примечания

- ¹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS (1955). М.: Наука, 1990. С. 221, 112, 117, 118.
- ² Успенский Ф. . История Византийской империи. VI–IX вв. М.: Мысль, 1996. С. 40, 16, 38, 811, 653.
- ³ Гумилев Л.Н. От Руси до России: Очерки этнической истории / Рольф, 2001. С. 51.
- ⁴ Скотникова Г.В. Лицо и лик византизма на переломе тысячелетий // Векторы развития культуры на грани тысячелетий. М., 2001. С. 174.
- ⁵ Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. М.: АСТ, 2008. С. 104.
- ⁶ Аверинцев С.С. Крещение Руси и путь русской культуры // URL: <http://www.russ.ru/pole/Kreschenie-Rusi-i-put-russkoj-kul-tury>
- ⁷ Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. М.: Эксмо, 2007. С. 144, 579, 140, 141, 150.
- ⁹ Соловьев В.С. Византизм и Россия. // О Русь, волшебница суровая. Н. Новгород: Волго-Вятское книжное изд-во, 1991. С. 140, 138, 148.
- ¹⁰ Сорокин Ю.А. Византийские традиции в русском самодержавии // Выдающиеся государственные деятели России XVIII–XX вв. Сб. науч. статей. Омск: Омский госуниверситет, 1996. С. 9, 17.
- ¹¹ Острогорский Г.Я. Отношение церкви и государства в Византии: сб. статей по археологии и византиноведению. Прага, 1931. С. 131.
- ¹² Бакалов Г. Универсалистские аспекты идеи о «Третьем Риме». Рим. Константинополь. Москва. М., 1992. С. 215, 221.
- ¹³ Чекалова А.А., Поляковская М.А. Интеллектуалы и власть в Византии // Византийские очерки. Труды российских ученых к XIX международному конгрессу византинистов. М.: Издательство Индрик, 1996. С.16.
- ¹⁴ Протоиерей Игорь Экономцев. Православие? Византия, Россия. Париж: YMCA-PRESS, 1989 // Homo Imago et Amicus Dei. Romae, 1991. С. 53, 8.
- ¹⁵ Тойнби А.Дж. Византийское наследие России // Альма-матер. 1996. № 2. С. 33, 34, 35.
- ¹⁶ Филофей. Послание Великому князю Василию об исправлении крестного знамения и о содомском блуде // Антология мировой политической мысли. В 3-х томах / под ред. Г. Ю. Семигина. М.: Мысль, 1997. Т. III. С. 151–152.
- ¹⁷ Скотникова Г.В. Византизм в русском самосознании // Христианство и культура (к 2000-летию христианства). М., 2000. С. 41.